

ВВЕДЕНИЕ

Психологическая регуляция выбора как преодоления условий неопределенности представлена взаимодействием познавательных (когнитивных, в том числе мыслительных) и личностных (личностно-мотивационных, эмоционально-волевых, индивидуально-стилевых) факторов, или процессов. Разные направления делают ведущим тот или иной аспект рассмотрения психологической регуляции выбора как принятия решения в условиях неопределенности. Для одних авторов это приоритет когний, для других — приоритет смысловой регуляции, для исследователей нашей группы (сайт: cognitivepsy.ru) — фокусирование идеи единства интеллекта и аффекта в модели множественной регуляции решений и действий человека, предполагающей *единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала* человека и *динамическую иерархизацию регулятивных систем*, включающих разноуровневые процессы психологического опосредствования.

Условия неопределенности в психологическом аспекте включаются в анализ регуляции выборов и суждений человека. Общность понятий *выбора* и *принятия решения* задана их ключевой характеристикой — разрешением ситуации субъективной *неопределенности*. Выбор делает человек думающий. Он прогнозирует не только содержательное развитие ситуации вследствие предпочтения им той или иной альтернативы (предпочтения, не всегда переводимого на уровень действенной реализации, т.е. исполнения решения), но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку того, «кем я становлюсь в результате такого моего выбора». Даже если известны альтернативы и заданы критерии выбора, неизвестным остается, какое решение примет конкретный человек и какой критерий окажется ведущим в иерархии возможных субъективных обоснований выбора. Человек как субъект и автор своего решения обязательно добавляет в ситуацию неопределенности нечто, что не существует в ней самой,

и это самополагание в выборе нельзя сводить к одному виду психологического опосредствования (будь то когнитивный, личный или иной контекст оценивания).

Как не бывает выбора без ситуации неопределенности (на любых ее уровнях — от конкретно-ситуационного до экзистенциального), так и не бывает простых или сложных, чисто интеллектуальных или чисто смысловых выборов. Современные психологические исследования принятия решений как выбора думающей личности, изменяют понимание проблем рациональности человека, его креативности, регуляции академических и профессиональных достижений, включают новые постановки проблем морального выбора, соотношения глубинной мотивации и самосознания личности, академического и эмоционального интеллекта, самооенок и имплицитных теорий. Представленные в книге исследования охватывают все эти спектры раскрытия психологической регуляции выбора, основываясь на выделении в качестве ведущих личностных свойств отношение человека к неопределенности и готовность к риску.

Осмысленность выбора (а значит, его представленность не только в когнитивном опосредствовании, но и в структурах самосознания), необходимость усилия (при преодолении неопределенности) и отнесенность к «горячим» процессам — общие характеристики выбора, не сводимого к этапу исполнения (Корнилова, 2016). Наши исследования включили изучение как теоретических предпосылок понимания «возможного в мышлении», так и анализ роли в продуктивности решений и академических достижений разных видов интеллекта, измеряемых в качестве когнитивных предпосылок актуалгенеза мышления. Выбор человека связывается также с регуляцией его целями и ценностями, профессиональной принадлежностью и личностным самоопределением.

Применение средств структурного моделирования позволило не только развести разноуровневые психологические переменные — в качестве измеряемых и латентных, но и проверять более сложно организованные гипотезы о структурных взаимосвязях разных составляющих интеллектуально-личностного потенциала человека. Модельные представления проясняют пути общепсихологической регуляции выборов, решений и действий личности в условиях неопределенности.

Анализ личностных свойств, выступающих предикторами направленности выбора, эффективности стратегий множественных выборов или эффективности интеллектуальных решений (включая показатели академических достижений студентов), направлял специальные

исследовательские цели. Поскольку не все изучаемые в психологии свойства проявляются в регуляции выбора как принятия и преодоления условий неопределенности, ряд исследований, представленных в книге, был направлен на разработку психодиагностических методик, что служило цели заполнения пробелов в арсенале психодиагностических методик, позволяющих анализировать индивидуальные, стилевые и личностные особенности лиц, принимающих разные решения или характеризующихся различными латентными профилями отношения к неопределенности. По этим же причинам пришлось делать экскурсы в психологию интеллекта и креативности; дискурс в рамках этих тем также неочевидным образом включает проблему регуляции принятия решений (как мышления в «закрытых» ситуациях — decision making, в отличие от «открытых» ситуаций — problem solving).

Представляемые исследования включили разнообразный экспериментальный материал — от игровых задач на прогнозирование в Айова-тесте до содержательных решений в условиях подсказки, от личностных выборов в ситуациях неопределенности до ситуаций, моделирующих моральный выбор, от показателей когнитивных репрезентаций риска до оценок академической успешности. Многие выполнялись совместно с моими коллегами и учениками, и ряд параграфов включает ссылки на них как соавторов работы.

Значительная часть книги включила разведение проблем неопределенности и риска, когнитивного и личностного риска. Проблематика риска в настоящее время все более популярно используется. Появляются руководства, как правильно рисковать в бизнесе, как налаживать отношения с людьми, избегая риска потерь и т. д. К сожалению, эта популярная литература редко опирается на научные разработки в области психологии риска и скорее выглядит как сборник рецептов по ситуационному управлению рисками как возможностями потерь или приобретений в сфере материальных ценностей или личностных отношений.

В психологии утверждается понимание готовности к риску как реализуемой человеком способности к самоконтролю и регуляции своих действий при заведомой неполноте информации или недоступности развернутой ориентировки в ситуации. При этом пройден большой путь в формулировании психологических проблем регуляции принятия человеком условий неопределенности и решений и действий в условиях риска, что отличает психологические подходы от непсихологических.

Большие исследовательские усилия приходится на разработку проблематики личностной *готовности к риску*, которая в этой книге предстает как свойство, функционирующее в системе единого

интеллектуально-личностного потенциала человека. Понятие *интеллектуального риска* — сравнительно новое, но основанное на длительном изучении вероятностных суждений и мышления человека. Мы приводим данные по наиболее изученным в наших исследованиях проблемам соотношения продуктивных решений и личностных выборов человека с риском, креативностью, интеллектом и личностными свойствами, связанными с отношением человека к неопределенности. Понятия когнитивного риска и «риска интеллекта» стали связующими для стратегических подходов к анализу регуляции выборов и идущих еще от теории игр исследований соотношения вероятностных оценок исходов и их «полезностей».

Переход к индустриальному обществу поставил на повестку дня проблему техногенных рисков. Но в современном мире появились и новые виды риска (например, риск террористической угрозы), качественная и количественная оценка которых прямо связана с государственным контролем условий риска для жизни людей. Появление ряда современных профессий прямо поставило задачу учета профессиональных рисков и серьезного отношения к ним. Психологические аспекты риска применительно к условиям неопределенности и угроз в профессиональной деятельности также затронуты в последней главе книги.

Новые аспекты неопределенности, отличающиеся от статистически оцениваемых в обычных (повторяющихся и подлежащих вероятностной оценке) условиях, также обсуждаются в книге. Сравнительно недавно в Интернете одним из хитов просмотров стала дискуссия между Д. Канеманом и Н. Талебом, который, с одной стороны, прекрасно популяризировал идеи «проспективной» теории, как ведущей в освещении проблемы решений и суждений человека в условиях неопределенности, а с другой, указал принципиальное ее ограничение. Н. Талеб обосновал, что при принятии решений нужно ориентироваться не только на предполагаемые проспективной теорией ориентиры рационального выбора, в частности, веса решений, включающие аспект не только вероятности, но и желательности наступления тех или иных событий (соответственно — нежелательности). В гораздо большей степени нужно учитывать возможность непрогнозируемых событий — «черных лебедей», наступление которых не связано с вероятностной структурой ситуаций или траекториями их обычного («закономерного») развития. Эти маловероятные, а точнее, «невозможные», или «невероятные», события и являются основным источником как глобальных угроз в современном мире, так и индивидуальных больших достижений. Последние, по мнению Талеба, обычно неоправданно приписываются способностям человека, что выступает поиском

закономерностей постфактум. Хотя с этим пониманием вряд ли согласятся авторы психологических исследований способностей человека.

Популярность таких книг и идей показывает, что восприятие риска входит в сферу новой области интересов современного человека, который начинает проникаться идеями неопределенности просто в силу того, что начинает жить в новом мире — мире неопределенности. Однако популярность проблем риска и принятия неопределенности связана и с тем, что в рамках развития психологического знания подготовлены предпосылки «укрупнения» проблематики риска — как перехода от связывания его с определенными типами задач на принятие решений до включения его в системы психологической регуляции выбора (рационального и личностного, прагматического и морального).

Отличие задач, или ситуаций, содержащих фактор риска, было представлено в книге Ю. Козелецкого, который, хотя и не получал, как Д. Канеман, Нобелевской премии, но держал юбилейную Гарвардскую речь в честь своего 70-летия (этой чести удостоиваются лица, внесшие максимальный вклад в развитие своей области). Он указал: «Наиболее характерная черта рискованных задач — наличие *неопределенности*, то есть того, что исходы, которые будут получены лицом, принимающим решение, зависят от событий, которые невозможно предвидеть с полной определенностью» (Козелецкий, 1979, с. 52).

С одной стороны, в таком определении подразумевается способность субъекта к предвидению возможного (прогнозированию, антиципации, «опережающему отражению»); с другой стороны, источник неопределенности не зависит от способности человека к предвидению. Тем самым источник неопределенности скорее следует трактовать как внешне-ситуационный. Такое понимание во многом соответствует основным положениям книги «Человек и ситуация» (Росс, Низбетт, 2001), авторы которой показали следующее. При принятии решений предпочтения человека на 80% определяются заданными условиями; т.е. приоритет несомненно должен быть отдан ситуационным факторам, а не диспозициональным. Вместе с тем именно в отношении принятия условий неопределенности и риска люди отличаются *лично* и *действенно* (иногда последний аспект связывается с интеллектуальными стратегиями человека, иногда — с поведенческими, реализующими risk-taking). Таким образом, важно не только то, как они воспринимают ситуацию риска, но и то, как они лично самоопределяются; какие интеллектуальные и личностные усилия реализуются человеком по отношению к неопределенности, новизне или опасности ситуации, когда он принимает решение о действиях в условиях риска.

Важным является вопрос о том, как соотносятся ситуационные факторы и личностные предпосылки регуляции выбора в условиях неопределенности и принятия риска. Другими словами, от структуры задачи или от самого человека, принимающего решение, зависит, пойдет ли он на риск, выберет ли более рискованную альтернативу, с более неопределенными или опасными поворотами в развитии ситуации.

В отечественной психологии, реализующей системный и деятельностный подходы, принципы развития и неопределенности (Корнилова, Смирнов, 2011), другие аспекты принятия решений выступили основными. Предметом изучения стали не только уровни и процессы, опосредствующие принятие решений, но и деятельностные регуляции самих актов выбора, если они рассматриваются с точки зрения мотивационной их обусловленности и включенности процессов целеобразования и смыслообразования.

Кроме теоретических дискуссий в психологии сложились и традиции, отвечающие следующему запросу: понять, каковы интеллектуальные и личностные особенности людей, способствующие их продуктивным решениям и готовности идти на риск. В развивающейся новой области психологических знаний — *психологии неопределенности* — было поставлено много новых вопросов: каким образом риск проявляется в стратегиях принятия решений, способствует ли он продуктивным решениям человека, рационально ли поступает человек, идущий на риск; связан ли поведенческий риск с бездумными действиями человека или с его обдуманном решением идти на риск; как поступают более «умные» люди в ситуации рискованного выбора; о каком уме в первую очередь нужно здесь говорить — о его житейском понимании, представленном в имплицитных теориях, или об измерениях, которые дают интеллектуальные тесты; в какой степени в регуляцию мыслительной деятельности в условиях неопределенности и риска включаются мотивы и эмоции человека. Эти и ряд других вопросов освещаются в данной книге, базирующейся на цикле теоретико-эмпирических исследований и объединенных в ней именно в контексте попытки дать комплексные ответы на поставленные вопросы.

Книга написана при поддержке грантов РГНФ:

№ 13–06–00049 «Толерантность к неопределенности и ригидность в системе личностных предпосылок успешности интеллектуальных стратегий в условиях неопределенности» и

№ 14–46–93004 «Принятие решений и риск: психология неопределенности»

ГЛАВА 1

ВЫБОР, ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Принятие решения, или выбор, как психологическое понятие

Человек в условиях неопределенности не может следовать сложившимся в индивидуальном опыте клише действий, выборов или решений; психологическая регуляция его активности необходимо включает в такой ситуации (как бы широко она ни понималась) предвосхищение, прогнозирование неизвестного, выдвижение гипотез и целей, а значит, *новообразования*, посредством которых совершается актуалгенез выбора. Области *решения проблем* и *принятия решений* предполагают разные аспекты проявления и изучения интеллектуально-личностного потенциала человека. С последней областью связывается представление о неопределенности оснований выбора, а не только множества возможных исходов.

В самой широкой психологической трактовке *принятие решения* (ПР) может пониматься как выбор человеком (или группой лиц) в условиях неопределенности между альтернативами, заданными предметами, идеями или действиями. Альтернатив редко две (хотя этимология слова это подразумевает), обычно в ситуации неопределенности предполагается их множественность; множественными могут быть и критерии предпочтения одной из них. Выбор, как решение человека, отражает субъективные предпочтения, но не охватывается ими. Неопределенность при этом может характеризовать не только исходы — последствия выбора альтернативы, оценки или критерии, задающие предпочтение альтернативы, но и целевую направленность, и динамику личностного самоопределения.

Для общепсихологической трактовки ПР как выбора в условиях неопределенности важно, что:

- 1) эта неопределенность человеком воспринимается, хотя не все составляющие ситуации или своих критериев человеком осознаются;
- 2) он может изменять ее своими решениями (последнее отличает ситуации интеллектуальных решений и личностных выборов от ситуации шанса);

3) выбор как разрешение ситуации неопределенности предполагает авторство и ответственность (не бывает безличных решений, хотя бывают «организационные» и проч.).

Неопределенность (представляемая двумя терминами — *uncertainty* и *ambiguity*) не является только внешней характеристикой ситуации выбора. Как в построении образа этой целостной ситуации, так и в оценивании отдельных альтернатив человек полагается на имеющиеся у него знания (образует и выполняет их) и превосхищает, прогнозирует возможные изменения ситуации (в том числе и своим выбором) и себя в ней.

В когнитивных подходах интуитивное представление о *возможности* дополняется представлением о *вероятностной* оценке наступления событий. И это разные оценки — построенные при полноте знания о ситуации выбора или, напротив, при ограниченности информации (обратная сторона — неполнота ориентировки). Сама ограниченность знаний (недостаточная информированность человека) также может иметь разные основания: во-первых, *субъективное* незнание при принципиальной возможности получения необходимых сведений (например, ограниченное знание в силу времени, отведенного на это, в силу недостаточности прилагаемых для анализа ситуации усилий или др.) или же, во-вторых, незнание «*объективное*» — при принципиальном отсутствии необходимых сведений в накопленном человечеством общественно-историческом, т.е. надындивидуальном опыте (присваиваемом отдельными людьми). Если в первом аспекте ограниченности можно оценивать индивидуальные различия между людьми — в степени владения необходимыми знаниями или прогнозистических способностей, — то во втором нужно оценивать движение всего человечества на пути к объективному знанию.

Путаница начинается, когда наряду с дихотомией субъективно-объективного знания появляется дихотомия полного-частного знания. И дело не только в том, что трудно оценить необходимую степень его полноты для осуществления осмысленного выбора. Дело в том, что с появлением теории вероятности сформулированы разные трактовки того, как связано знание о мыслимом пространстве событий и ожидание события (даже если выбор человеком из альтернатив и не предполагается). Приведу пока только одну позицию — Дж. Буля: «Вероятность — это ожидание, основанное на частном знании. Полное же знакомство со всеми обстоятельствами события изменило бы ожидание на определенность (*certainty*), и не оставило бы ни места, ни необходимости в теории вероятностей» (Boole, 1854, с. 244).

Прошедшие полтора века изменили в философии науки понимание самой возможности Наблюдателя (с большой буквы), который мог бы иметь критерии оценивания полноты знания; *принцип неопределенности* (необходимость предположения о «лямбде» Наблюдателя) был освоен как физиками, так и впоследствии психологами (Зинченко, Мамардашвили, 1977; Корнилова, 2010б, 2015). Восприятие вероятностей человеком, его вероятностные суждения стали специальным предметом психологических исследований (Канеман, 2013; и др.). Ум человека как опора суждений при вынесении решения оказался по-разному представлен в движении методологии научного знания, в когнитивной науке, в психологии мышления и в изучении личностных выборов (в последнем случае он вообще иногда выносился «за скобки» или сводился к «операторным» характеристикам). Выбор человека предполагает опору не только на субъективный опыт и индивидуальное знание, но и на *внутренний диалог*; предположение о включении в регуляцию выбора уровня самосознания личности (что в исследовательских подходах трудно фиксировать по результатам выбора) заведомо означает несводимость психологических трактовок рациональности или разумности выбора к непсихологическим модельным представлениям.

Как мы покажем в следующих двух главах, в непсихологических подходах (моделирующих, экономических, социологических и проч.) совсем не обязательно присутствует предположение о том, что выбор осуществляется именно человеком (а не безличным ЛПР — «лицом, принимающее решение», механизмом, обществом или какими-то системами). Как только человек исключается из «составляющих» ситуации выбора, можно строить (моделировать) далее идеальные стратегии принятия решений, но при этом теряется понимание *субъективной неопределенности*, в которой находится человек в ситуации выбора, как и понимание, что при выборе он полагается на весь свой *интеллектуально-личностный потенциал*.

Принятие решения относят к так называемым «горячим» процессам — в отличие от «холодных» процессов (например, использования знаний), поскольку личность в ситуации выбора не только осознает, но и *переживает* свой выбор. В становлении выбора человека всегда представлено взаимодействие познавательных (интеллектуальных, когнитивных) и личностных (индивидуализированных, смысловых) «регуляторов», хотя в литературе рассматриваются дихотомии рационального-личностного, простого-смыслового и прочие классификации видов выбора, причем с закреплением за «рациональностью»

устаревших логических трактовок (см. дискуссию: Леонтьев, 2014; Корнилова, 2016).

Интересно, что слово «выбор» в обыденном сознании закрепилось как раз за крайними ситуациями: теми, где человек не реализует какой-либо активности (вынужденный выбор, например, под воздействием силового принуждения; механический выбор — устройством, действующим по алгоритму; алгоритмический выбор — и в том случае, если по заданным правилам действует человек), и, напротив, теми ситуациями, где выбор происходит на верхних уровнях личностной регуляции (моральный выбор, экзистенциальный выбор). Человек в любом случае опосредствует свой выбор размышлением; но не все ситуации можно изменять интеллектуальным усилием. Ситуации *шанса* означают, что от человека никак не зависят неизвестные ему исходы альтернатив, между которыми ему приходится выбирать. Но от него даже в этом случае зависит, идет ли он на выбор в такой ситуации (на покупку лотереи, на соглашение и т. д.).

В психологии под термином ПР все же имеются в виду выборы, обусловленные активностью субъекта по доопределению как альтернатив, так и критериев выбора; причем и образ ситуации, и образ Я (на уровне самосознания личности), и внутренние усилия (воспринимаемые как «бремя выбора») репрезентированы человеку. Выбор человека всегда осознан; хотя скрытыми от него могут оставаться процессы как личностно-смысловой, так и когнитивной регуляции направленности субъективных предпочтений.

В зарубежных психологических исследованиях понятия *принятия решений* и *выбора* функционируют в облики двух основных терминов¹ — Decision making и Choice. Причем в одной и той же книге название может включать один термин, а преимущественно используемым является другой (см., например: Hasti, Dawes, 2010). В экспериментальных работах важным аспектом является понимание ситуации выбора как *закрытой* задачи — в противовес *открытым* проблемам (более привычным в психологии мышления ситуациям поиска неизвестного искомого). Ситуации *неопределенности* требуют от человека их разрешения собственными усилиями — причем со стороны как мыслительной деятельности, так и личностного вклада. Построение образа ситуации и доопределение целей и альтернатив, прогнозирование и оценка последствий, собственно выбор (из заданных или

¹ Я оставляю вне рассмотрения нем. Entscheidungen и англ. Deciding, переводимые на русский как «решения» и отличающие контекст *выбора решения* по отношению к контексту *решения проблем* (Problem Solving).

конструируемых альтернатив) — все эти этапы и процессы, опосредствующие принятие решений, предполагают опору человека на весь свой интеллектуально-личностный потенциал, в котором познавательный и личностный аспекты могут выделяться лишь условно.

Человек прогнозирует не только развитие ситуации вследствие выбора им той или иной альтернативы, но и личностную цену принимаемого решения, включая оценку, «кем я становлюсь в результате такого моего выбора». Даже если известны альтернативы и заданы критерии выбора, неизвестным остается, какое решение примет конкретный человек, какой критерий окажется ведущим в иерархии возможных субъективных обоснований выбора.

Подходы к пониманию активности человека, принимающего решения, могут быть различными, но большинство из них в психологии так или иначе ориентируются на следующие стадии, описанные Ю. Козелецким. Он представил стадии принятия решений как этапы *внутренней деятельности* человека:

- 1) создание субъективного представления о задаче;
- 2) оценка последствий выбора каждой альтернативы;
- 3) прогнозирование условий, определяющих последствия;
- 4) собственно выбор из альтернатив.

Оценка последствий альтернатив также включает и когнитивную составляющую, и эмоционально-ценностную, принятие или непринятие возможных последствий выборов — для ситуации и для личностного Я; о последнем этот автор пишет в своей более поздней книге с примечательным названием «Человек многомерный» (Козелецкий, 1991).

Сами последствия предвосхищаются в *прогностической* деятельности человека; но и здесь трудно разделить когнитивную, интеллектуальную «развертку» событий в результате выбора альтернативы и личностный компонент риска в мышлении — как саму возможность помыслить или не предполагать то или иное последствие выбора.

Три первых этапа этот автор называет *предрешиениями*. Собственно выбор будет означать, что ситуация неопределенности получила разрешение, завершена выбором, т. е. человек определился в выборе. Вопросом остается, как об этом узнать (внешнему наблюдателю или самому субъекту решения), каким образом отметить точку окончательного выбора на предполагаемой временной оси его подготовки и собственно принятия.

Согласно выдвинутой нами *гипотезе обратимости*, в феноменальном плане совершающийся процесс осмысления и оценивания альтернатив представлен самому человеку как возможность принятия

или отвержения каждого из рассматриваемых исходов (Корнилова, 2003); выбор совершается, пока альтернативы *субъективно обратимы* для человека. Если обратимость альтернативы в этом внутреннем плане — переживания «бремени решения» — исчерпывается, то это означает ее окончательное принятие или отвержение. Таким образом, говорить об акте выбора можно, пока не исчезла феноменологически ощущаемая человеком обратимость альтернатив; это любопытным образом фиксируется поговоркой: «Мое слово. Хочу — даю, хочу — беру обратно!».

Если же ощущаемая человеком обратимость альтернатив исчезла, то это означает, что система внутренних критериев сформировалась и решение принято, причем это не включает его исполнения «здесь и сейчас»; праксиологический контекст — анализ исполнения принятого решения — это самостоятельная область исследований (наряду с познавательной и мотивационной парадигмами, по Козелецкому). Обсуждаемая часто нерешительность человека при выборе может означать разное: как то, что обратимость альтернатив не исчерпана (решение продолжается), или как то, что решение уже принято, но наступил этап поведенческой реализации его, где включаются уже иные процессы, например, волевой регуляции.

Легализация своего решения (например, сообщение его другим лицам) или практическое воплощение — поведенчески представленный выбор (именно он имеется в виду в метафоре «перейти Рубикон») не вполне соответствует этой умозрительной точке — свершившегося выбора. Если речь идет об интеллектуальном решении или личностном выборе, то они вообще могут оставаться вне рамок сообщения о них другим людям или без поведенческой фиксации результата выбора. В этом одна из сложностей изучения принятия решений в теоретико-эмпирическом плане: психолог должен иметь объективированные показатели ПР, которые достаточно трудно реконструировать как процессуальные характеристики актуалгенеза выбора. Кроме того, и для самого субъекта выбора, и для внешнего наблюдателя может оставаться скрытым, какие собственно критерии (в их внутренней структуре и динамике) стояли за выбором: они могут быть не репрезентированы самому человеку, даже если он руководствовался заданными критериями.

Отдельно выступает вопрос и о типах принимаемых решений, их психологических классификациях, которые не могут строиться только на основе учета внешне заданных условий неопределенности. В одной и той же ситуации люди строят разные ее образы, формулируют разные цели выбора, в разной степени лично в нее включаются.

Кроме того, при одной и той же системе альтернатив (т.е. во внешне схожих ситуациях выбора) психологическая регуляция его строится по-разному, поскольку любой из процессов может оказаться ведущим; отсюда классификация выборов как интеллектуальных, эмоциональных, волевых, волюнтаристских и т. д. (Корнилова, Тихомиров, 1990).

Ю. Козелецким различие в процессах ПР задано через различие ситуаций, в которых субъект имеет возможность осуществить выбор как предпочтение (чего-то чему-то). Он подчеркивает предметную разнородность задач, требующих решений: «К ним принадлежат и сравнительно простые ситуации вроде игры в «орла» или «решку», и такие сложные ситуации, как проблема инвестиций или система образования» (Козелецкий, 1979, с. 21). Главное, что *последствия выбора* одного из возможных исходов имеют для субъекта некоторую *ценность* или *полезность* — конструкт, сложившийся в непсихологических моделях. Активность на уровне выдвижения гипотез, исполнительные функции, включая внимание, память и скорость переработки информации — все эти процессы влияют на ПР; влияют и некоторые личностные черты (и далеко не все изученные психологами), и предшествующий опыт, и *отношение к неопределенности*, которая одними людьми воспринимается как *вызов* их возможностям (и в этом аспекте условие их развития), а другими — как стрессогенный фактор (со всеми вытекающими для человека возможностями развития процессов адаптации и дезадаптации).

Субъективные представления о задаче могут строиться как предполагающие: 1) *детерминистские* решения, базирующиеся на использовании системы правил (логического вывода и т. д.); 2) *эвристические*, включающие возможности сокращения поиска и селекции направлений оценок (в соответствии с теми или иными субъективными критериями); 3) *вероятностные*, когда в основу выбора полагается учет субъективных вероятностей исходов, отнюдь не всегда совпадающих с объективированными (например, базовыми частотами событий в психометрической парадигме).

Иные типы решений обсуждаются в контексте определенного класса личностных выборов, когда предполагается, например, взаимодействие психолога-консультанта и клиента, т.е. помощь в принятии решений в ситуациях психологического консультирования. Для концепции личностного выбора в рамках *психологии переживания* для Ф. Василюка важной оказывается типологизация «жизненных миров», отражающих субъектную составляющую понимания и переживания ситуации выбора человеком (1997). Но с формальной точки зрения и здесь выбор представлен указанной Козелецким

стадиальностью деятельности субъекта, в результате которой он отдаст предпочтение одной альтернативе перед другой.

В отличие от зарубежных, в рассматриваемой концепции новым выглядит не разделение по дихотомиям простой-сложный и внешний-внутренний (миры), а апелляция к решению «задачи на смысл» — термина, который в концепции А. Н. Леонтьева (1975) вводит систему жизненных отношений, а здесь используется для такого понимания конфликтности ситуации, который отражает необходимость самому человеку доопределять, между чем и чем ему собственно следует выбирать. Парадоксальность выбора — при ценностном типе жизненного мира, где и реализуется личностный выбор, — заключается при этом в необходимости сравнивать несравнимое (внутренне сложный мир включает «уникальные в смысловом отношении мотивы»).

Неслучайным представляется тот факт, что именно при решении задач психологической помощи человеку обращение к проблеме психотехники выбора становится ведущим. Отвлечение от сложности мира, удержание сложности мира, актуализация ценностей — эти действия новы с точки зрения предполагаемой их психотехнической актуализации при построении образа задачи, но не с точки зрения полагания новых — не описанных ранее — процессов ориентировки человека в личностных основаниях выбора или критериях приемлемости альтернатив. Следующий рассматриваемый Василюком шаг — этап «оценки альтернатив» — уже просто классический (следующий за этапом принятия проблемы). Сопоставим с аналогичным и выделяемым в других моделях этапом «решения» и последний этап выбора, как включающий переход между инстанциями сознания и воли. Предвосхищение «жертвы», которую нужно предполагать при выборе конкретной альтернативы — то же самое, что опережающий контроль или предвосхищение последствий альтернатив с точки зрения их личностной цены для субъекта.

Таким образом, в психологическом аспекте общность разных типов выборов — с точки зрения их этапов — достаточно выражена. Вместе с тем в психологии оказалась сильна *дихотомия рационального и личностного* выбора, о чем будет продолжено в следующем параграфе. Причем она не сводится к разделению на опосредствованный мышлением выбор (о выборе вообще не говорят, если человек не осмысливает альтернатив и самого факта, что он может выбирать) или опосредствованный смыслообразованием; смысловая регуляция всегда имеет место, если речь идет о личностной включенности в ситуацию выбора (а значит, мотивационно-смысловой регуляции образа ситуации, целеобразования и возможных стратегий).

Другая дихотомия возникает, когда обсуждаются источники *субъективной неопределенности* при принятии решений, влияющие как на субъективные представления, или образ задачи (называемые также когнитивными репрезентациями), так и на актуалгенез принятия решений в конкретной ситуации разными людьми (с разными интеллектуально-личностными предпосылками в индивидуальной регуляции решений).

Субъективная неопределенность, как уже было сказано, может быть задана *внешними* факторами, а может быть связана с *внутренними* (неполнотой знания, необходимостью доопределения целей и критериев выбора и проч.). Применительно к внутренним источникам неопределенности также можно различать: а) *ситуационные* факторы, когда человек в силу ситуационных ограничений (например, закрытость для него необходимой информации, что соотносится с фактором осведомленности, или трудности работы с собственной системой переживаний, что измеряется психологами в шкалах доступности внутреннего опыта, как составляющей «психологической разумности») вынужден принимать решение при заведомой неполноте ориентировки (как информационной, так и смысловой), и б) *диспозициональные* факторы. Диспозициональные факторы — это свойства самого субъекта, принимающего решения; они отражают организацию и использование им знаний, личностные особенности (психологи здесь говорят о диспозициях в узком смысле — как о латентных предпосылках), связанные с предпочтениями выборов, уровень интеллекта и готовность к развертыванию новообразований (раскрытие в ситуации и в себе самом чего-то нового, что отсутствовало до принятия решений в заданной ситуации).

В книге Росса и Низбета (2001) приведено множество исследований, показывающих преимущественную ориентировку человека при принятии решений именно на ситуационные факторы. Драматичность в указании на диспозициональные (интеллектуальные и личностные) свойства связана с тем, что, согласно этим авторам, они определяют не более 20% среди всех факторов регуляции выбора человека, в то время как в психологии огромные усилия полагаются в разработку психодиагностических средств, позволяющих выявлять именно эти свойства.

В отношении ситуационных факторов сложились разные мнения относительно их источников и роли. Хорошо изученными в инженерной психологии стали факторы, влияющие на построение образно-концептуальных моделей ситуации, поскольку они регулируют выбор программ действий в деятельности оператора. Наименее изученными

остались актуализируемые в ситуации *субъективной неопределенности* проявления активности человека, демонстрирующие продуктивный, или творческий характер принятия решений, когда человек как бы выходит за свои *ресурсные* пределы и демонстрирует в актуалгенезе решений, или выборов, функциональное развитие своих *возможностей* (что отражается в психологических *новообразованиях*). Это особая проблема — психологической квалификации решения, или выбора, в котором человек проявляет различными путями накопленные знания, умение полагаться на свои интеллектуально-личностные свойства (как свой потенциал) и на ориентировку в конкретной ситуации, когда человек прилагает необходимые *интеллектуально-личностные усилия* и доопределяет *возможности* того или иного выбора для себя лично.

Неопределенность, рациональность и осведомленность человека

Рациональный выбор как понятие используется и в психологических, и в непсихологических подходах. Он связывается, во-первых, с системой используемых знаний, с возможностью определять подготовленность выбора согласно нужной или возможной, имеющейся или раскрываемой, в том числе и прогнозируемой, информации. Во-вторых, рациональность связывается с оцениванием реализованных стратегий выбора; в последующем мы покажем, что само понимание стратегий также может быть психологическим и непсихологическим. При опосредованности выбора размышлением, обдумыванием, т. е. актуалгенезом мыслительной деятельности, в психологии говорят об *интеллектуальных решениях* (Корнилова, Тихомиров, 1990).

Рациональность интеллектуальных стратегий порой отождествлялась с понятием дискурсивной подготовки решения, но такое понимание преодолевалось и в отношении идеалов, или *типов, рациональности* (применительно к научной картине мира) и в отношении широкой понятой активности личности (или активности субъекта, принимающего решение). *Рациональность* выступила в современных психодиагностических работах, в частности, как свойство личностной саморегуляции (субъектной регуляции ПР), взаимодействующее в сложных связующих отношениях с личностной *готовностью к риску* — другого, специфического свойства саморегуляции активности при принятии условий неопределенности, — и склонностью избегать ситуаций неопределенности — *интолерантностью к неопределенности*, о которых

мы еще будем говорить. В современной психологии рациональность интеллектуальных стратегий уже не смешивается с одним из компонентов мышления — дискурсивным анализом. Не сводится она и к рефлексии как уровню осознанного метаконтроля стратегий.

Существенным критерием рациональности остается поиск информации, но дополнительно вводится готовность к ПР в условиях ее недостаточности. Психологам известны расширения понятия рациональности до *аксиологически* обусловленной (с ценностным контекстом приемлемости альтернатив выбора), *инструментальной*, а также «ограниченной» субъективной рациональности (в понимании Г. Саймона это выбор не лучшей, а удовлетворяющей субъекта альтернативы). Но, как только появляется критерий рациональности, тут же возникает вопрос об иррациональности, а также о противопоставляемой дискурсивному мышлению интуиции.

Обращение к классическому противопоставлению рациональности и иррациональности в методологических подходах к теории познания не может прояснить проблему психологической регуляции интуитивных компонентов в опосредствовании интеллектуальных решений. В философии за понятием интуиции может стоять и интеллектуальная интуиция по Ф.В. Шеллингу, предполагающая когерентное (божественному откровению) воспроизведение истины, и иррациональная трактовка в интуитивизме А. Бергсона, и трактовка интуитивного как эмпирически осваиваемого знания (в противопоставлении рациональному как теоретически постигаемому). Для постановки задач психологического изучения интуитивных компонентов в регуляции выбора требуется иной путь — конкретизации психологических представлений об этих интуитивных компонентах. Именно обращение к проблеме операционализации позитивных представлений об интуиции отличало волну исследований интуиции в зарубежной психологии в 1990-е гг. (Степаносова, 1993). Мы к этой характеристике решений также будем обращаться в главах, представляющих результаты психологического анализа выборов в условиях неопределенности. Пока же отметим следующее.

Загадка психологической регуляции процессов принятия решений в том, что неизвестными человеку являются именно критерии его выбора, поскольку даже заданные и известные критерии не ведут к правильному решению и могут обосновывать предпочтения разных альтернатив. Построение как поля самих альтернатив (они не всегда заданы полностью и в так называемых закрытых ситуациях), так и конструирование иерархий критериев выбора (очевидных, известных субъекту или выступающих результатом процессов самосознания

и смысловой регуляции) задает те внутренние средства, на которые опирается человек в своем выборе. Посредством же выбора «личность делает себя своими решениями».

Таким образом, неопределенность в любой ситуации выбора означает неизведанность поля возможностей для сознательного доопределения его критериев. Психологические орудия *конструируются* субъектом в ходе выбора, а саморегуляция выступает интерпретационным компонентом в двух разных контекстах — *структурирования* иерархии процессов, опосредствующих выбор, и *контроля приемлемости-неприемлемости* тех или иных оснований выбора (прогноза не только развития ситуации при выборе альтернатив, но и той личностной цены, которую они требуют).

Является ли неопределенность объективным свойством ситуации или характеристикой знаний (или незнаний) человека — решение этого вопроса включает и решения о статусе информации. Если информацию понимать в психологическом смысле — как знания, — то нужно предполагать субъекта, которому представлены эти знания. Но речь может идти о потенциальном знании, которое еще не прочитано (или не понято) кем-то, но в принципе доступно. Так, сегодня для *поддержки принятия решений* специалистами в разных профессиональных областях применяются *экспертные системы*, разработчики которых предполагают именно потенциальную возможность использования систем надындивидуальных знаний. Как применит человек, принимающий решения в условиях неопределенности, самостоятельно выработанные или полученные (например, с помощью компьютера) знания, это будет характеризовать продуктивность — результат принятия решения. Как человечество объективирует накапливаемые знания (в культуре, в книгах, в двоичных кодах баз данных и т.д.), и как их может использовать человек — это разные проблемы. Психологический аспект заключается именно в репрезентациях знаний во внутреннем пространстве мысли человека и, в частности, в когнитивных репрезентациях риска. *Осведомленность* человека, принимающего решения, включает состоявшуюся ориентировку и на ситуационные факторы, и на собственные возможности.

С состоянием ума связывает понятие неопределенности, например, Стив Лонгфорд (Longford, 2001). Он придерживается следующего понимания: неопределенный — это неизвестный, неустановленный, незаданный, находящийся под вопросом, не вызывающий уверенности. Повышение неопределенности может быть связано как с недостаточностью знаний (информации), так и с ее избыточностью. Психологи знают, что решение так называемых малых творческих задач может

быть затруднено лишней информацией, на которую начинает ориентироваться человек.

Согласно мнению Лонгфорда, инструментом, позволяющим человеку справиться как с недостаточностью, так и с избыточностью информации, является *осведомленность* (в оригинале — *intelligence*). Ее рабочее определение: это наличие у субъекта информации, сопряженной с ценностными характеристиками и целями выбора, с направленностью на объяснения трендов и паттернов, а также на активизацию принятия решений.

Этим термином одинаково обозначается и процесс, и продукт принятия решений. Как процесс осведомленность характеризует внутренний мир человека, а как продукт она позволяет изменять неопределенность внешнего мира. Не поручусь, не будучи историком, за правильность примера, но именно его приводит Лонгфорд для демонстрации того, как осведомленность может стать продуктом, снижающим неопределенность.

Речь идет о битве при Стоуке в 1487 г., ставшей последним сражением в войне Алой и Белой Розы. Она привела к замене правления в Англии династии Плантагенетов и положила начало правлению династии Тюдоров. Считается, что окончание войны подвело черту под эпохой средневековья в Англии. Но Лонгфорд приводит другой аспект этого события: перед этой битвой впервые одна из сторон решила посмотреть, сколько же солдат у противника, ДО начала битвы. Действительно ли это было впервые, можно спорить. Но нельзя оспорить тот факт, что осведомленность в данном случае дала преимущества одной из сторон, участвовавших в битве.

Осведомленность отличается от информации: она является результатом добавления к информации характеристик ее ценности, что достигается в процессе переработки ее в «интеллектуальном цикле». Именно в этом цикле снижается неопределенность, а последующие действия лишь реализуют его подготовку во внутреннем плане. Повышение осведомленности позволяет прояснить ранее не замеченные альтернативы, изменять отношение к ситуации, формулировать новые исходы.

В психологии мышления различали *алгоритмические* и *эвристические* стратегии по характеристикам полноты перебора элементов ситуации (случаев) для принятия решения, что связывалось с наличием критерия, сужающего область анализа при эвристическом мышлении. Но, во-первых, и сама селекция может быть подвержена правилу, т. е. стать алгоритмизированной, а во-вторых, в психологии эвристическое мышление соотносилось с творческим (или продуктивным), поскольку эвристики рассматривались как механизмы нахождения нового знания.

Формирование планов — совсем иной источник снижения интеллектуальных усилий субъекта в выборе решений и действий (Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам) и иной аспект отношения к неопределенности, чем осведомленность. Г. Саймон в своей теории ограниченной рациональности рассмотрел интеллект человека как *ограниченный ресурс* (1993). Человек не может учесть все аспекты ситуаций и тем более их изменений; у него не безмерная память, ограниченный объем внимания, ограниченный ресурс знаний. Как же ему быть, если он хочет поступать рационально и применять обдуманые стратегии? Он должен формировать планы и следовать им; тогда ему не придется непрерывно изменять направленность действий и решений на каждом этапе их осуществления.

Немецкий исследователь Д. Дернер, напротив, считает, что планы создаются, чтобы не следовать им (1997). Зачем же они тогда нужны? Чтобы человек имел ориентиры для самоопределения в своих интеллектуальных стратегиях. Чтобы он четко представлял, где принимать решение не нужно (а нужно полагаться на знания), и где иной этап, который характеризуется неопределенностью, и значит требует от него приложения интеллектуальных усилий для этапа стратегии как совершения выбора «здесь и сейчас».

В другой главе мы остановимся на конструкте *интеллекта* как предпосылке продуктивного разрешения человеком ситуаций неопределенности; пока же подчеркиваем роль общей осведомленности и возможности планирования своих действий как когнитивных составляющих мыслительного опосредствования выборов.

Принятие решений и «полезность» альтернатив в непсихологических моделях и в «проспективной теории»

Как уже было сказано, осознание целей, средств и последствий принимаемых решений предполагает интеллектуальную ориентировку человека в ситуации выбора и в самом себе (в плане личностного самосознания). Вместе с тем представления об интеллектуальных составляющих процессов выбора в нормативных моделях принятия решений существенно упрощают их, сводя к ориентировке в *вероятностных* характеристиках ситуации и «ожидаемых ценностях» или «полезностях» альтернатив.

Среди моделей принятия решений выделяют *нормативные* (описывающие нормативы поведения в соответствии с идеальными,

заданными в модели «целями» и «стратегиями» выборов), *проспективные*, позволяющие предсказывать выборы в соответствии с заданными моделью ожиданиями их направленности, и *дескриптивные*, нацеленные на описание реальных стратегий выбора. Сразу отметим, что психологические модели в основном являются дескриптивными, хотя некоторые из них претендуют на формальное представление стратегий выборов человека, что, например, характеризует «проспективную теорию» А. Тверски и Д. Канемана, завершающую в обзоре П. Шумейкера (1984) представление нормативных моделей принятия решений. Пока только отметим, что именно в непсихологических моделях выбора, образующих класс *моделей ожидаемой полезности* (МОП), появилось новое понятие — *полезности* (utility).

Истоки модельных представлений восходят к теории азартных игр. Математик Блез Паскаль предложил такую тактику принятия решений в этих играх как наиболее выигрышную: из двух или множества альтернатив каждый раз нужно выбирать ту, для которой будет максимальным произведение возможного выигрыша на его вероятность. Это произведение в вариациях объективной величины выигрыша, исчисляемой количественно, или его субъективной ценности, объективных (исчисляемых на множестве событий) вероятностях или субъективных вероятностей и стало отличительной чертой МОП.

Блестящий экономист и публицист П. Бернштейн в своей книге «Против богов. Укрощение риска», вышедшей на английском языке в 1996 г., писал, что главное, на его взгляд, — это то, что в то время (XVII век) «на дворе» была эпоха Ренессанса. И она породила «плеяду мыслителей, чья замечательная проницательность помогает нам научиться ставить будущее на службу настоящему» (Бернштейн, 2008). Западная культура была освещена светом их идей подобно проретеескому огню (отсюда название книги). Страсть человека к игре и обогащению была преобразована в рамках использования развития математики и теории вероятностей в «русло экономического роста, подъема качества жизни и технологического прогресса» (там же). Сотрудничество Б. Паскаля и П. Ферма, осветивших в проблеме выбора необходимость понимания и вероятностного исчисления риска, имело эффект «разорвавшейся бомбы».

Якоб Бернулли, дядя Даниила Бернулли, автора различения величины исхода и его «выгоды», сформулировал *закон больших чисел*²,

² Этот закон предполагает, что различие между выборочными средними и истинным средним значением параметра во всей совокупности будет уменьшаться при увеличении объема выборки.